
СРАВНИТЕЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЦВЕТОВЫХ
ОБОЗНАЧЕНИЙ В ДРЕВНЕАРМЯНСКОМ И СТАРОСЛАВЯНСКОМ
ЯЗЫКАХ

Л. А. САРАДЖЕВА

Каждый народ, относящийся к определенной культурно-языковой традиции, имеет свои особенности членения окружающего мира, свой взгляд на окружающую действительность, вследствие чего в языковой системе выделяется та или иная сторона, считается важным то или иное свойство объективно данных реалий. Таково, например, отражение в лексике системы цветового континуума, несовпадение которого в различных языках, даже близкородственных, является чуть ли не правилом. По справедливому замечанию Л. Ельмслева, «за пределами парадигм, установленных в разных языках для обозначения цвета, мы можем, вычитывая различия, найти такой аморфный континуум — цветовой спектр, в котором каждый язык произвольно устанавливает свои границы»¹.

Далее Л. Ельмслев показывает полную произвольность в обозначении цветов (например, зеленого и голубого, голубого и серого, серого и коричневого в валлийском, английском и датском). Валлийское *glas* может означать и «зеленый», и «синий», и «серый», *llwyd* «серый» и «коричневый». В тюркских языках *kök*—«синий» и «зеленый». Русскому *синий*, *голубой* соответствует англ. *blue*, нем. *blau*, фр. *bleu*. В польских диалектах названия голубого и синего восходят к обозначению «светлый, беловатый, серый» (*jasny*; *białawy*, *białasy* < *bhēl- «белый», *siwy* < *keja- «серый»), причем они обозначают не только голубой цвет, но и насыщенный синий². Др.-греч. *κλαυός* значило и «синий», и «черный»³; др.-арм. *siḡani*—«пурпурный, багряный, голубой». Следует отметить большую подвижность цветорых обозначений в разные периоды существования одного и того же языка: др.-англ. *brun* (*brown*) могло характеризовать морские волны—*brune yda* (Andreas, 519) и сумерки—*brunn wann* (Andreas, 1507), металлический шлем—*brune helmas* (Judith, 316) и желтоватый пергамент—*ofer brunne bred* (Riddles, XXVII, 9); современное значение *brown*—«коричневый, бурый, темный».

¹ Л. Ельмслев, Прологомены к теории языка, «Новое в лингвистике», вып. 1, М., 1960, стр. 306.

² А. Zaręba, Nazwy barw w dialektach i historii języka polskiego, Wrocław, 1951, стр. 36–46.

³ W. Gladstone, Studies on Homer and the Homeric age, Oxford, 1958, стр. 10.

Общая закономерность смешения цветowych обозначений вызывается, по-видимому, соотношением цветов в реальной действительности, преобладанием белых, серых, черных, буроватых тонов, а также максимальной чувствительностью человеческого зрения в области желто-зеленого цвета⁴.

Анализ динамики связей цветowych обозначений осложняется также следующими факторами: 1) означающее связывается с означаемым причинно-следственным или другим отношением по принципу *aliquid stat pro aliquo*, в результате чего слово может переходить из одной лексической подсистемы в другую; 2) в силу исторических условий в языки вливались заимствованные слова, существовавшие наряду с исконными, что нередко приводило либо к утрате исконных обозначений, либо к процессам метафоризации.

Сравнительно-историческое изучение родственных языков не может не считать одной из важнейших задач восстановление лексических единиц, полностью или частично утраченных отдельными языками (под утратой понимается либо полное исчезновение из системы, либо сохранение данного обозначения в виде следов в производных словах).

Сравнение систем цветowego континуума таких языков, как древнеармянский и старославянский (а также отдельные славянские), относящихся к различным культурно-историческим традициям, помогает выявить многообразные семантические переходы, которым подверглись исходные индоевропейские цветowe обозначения.

В ряде случаев, в частности для древнеармянского языка, представляется вероятным восстановление исконных индоевропейских цветowych обозначений, так как в армянском языке многие цветообозначения являются заимствованными (ср. арм. *seaw* „черный“ < пехл. **siyav*, арм. *spitak* „белый“ < пехл. **spētak*, арм. *karmir* „красный“ < пехл. **karmir* и т. д.).

По мнению Р. Туривальда, первыми цветowymi обозначениями были обозначения черного, белого и красного цветов⁵. Иллюстрацией этого является обилие и семантическая определенность основ со значениями «черный», «белый», «красный», которые образуют устойчивую систему противопоставлений в отдельных индоевропейских языках, подтверждая то, что эти элементы входили в некогда упорядоченную систему символической классификации.

Например, в авестийском языке противопоставление «белого» и «черного» выражается прилагательными *auruša-* и *sama-* (*syama-* *syāva-*). В мифологии это противопоставление используется для символического изображения враждебных друг другу сил: так, Тиштрия, светило, выступает в мифе как белый конь (*aurusa-*), а его противник, демон Апаоша, как черный (*sama-*)⁶ (*Yāšt*, VIII, 20, 21).

⁴ С. О. Майзель, *Свет и зрение*, М.—Л., 1932, стр. 115.

⁵ R. Thurnwald, *Psychologie des primitiven Menschen*, München, 1922, стр. 168.

⁶ В последней работе В. В. Иванова и В. Н. Топорова («Исследования в области славянских древностей», М., 1974, стр. 84) приводятся многочисленные при-

В большинстве случаев в отдельных индоевропейских языках и группах имеются особые названия черного цвета: греч. μέλας, лтш. melns «черный, темный», лат. āter, англ. black, нем. schwarz и т. д. Особо следует отметить индо-славяно-балтийское совпадение, восходящее к и.-е. *kers-, *kʷs-по- «черный»: ст.-сл. чрънь, рус. *черный*, польск. czarny и т. д., лит. keršas «черный», др.-инд. kṛṣṇas «черный», при швед. диал. haug «пепел», гот. heag, н.-в.-нем., голл. harder, herder «пепел». Согласие балто-славянского с древнеиндийским позволяет считать эту изоглоссу восходящей ко времени диалектных связей всех трех групп⁷.

Название черного цвета первоначально могло иметь значение «покрытый пятнами, грязный, мутный» и метафорически обозначало смерть и несчастье. Ср. и.-е. *meut- «темный, мутный», арм. mut', mt'a «темный», ст.-сл. мѹтенъ «мутный», рус. *муть*, *мутный* «темный, непрозрачный», польск. mętny, smutny «мутный» при ср.-в.-нем. modder «навоз», англ. mother «осадок, гуща», mud «навоз».

И.-е. *(s)meukh-, *(s)meug- «курить, дым»: арм. moyg «коричневый, темный», ст.-сл. смагль «черно-коричневый», др.-рус. *смагль* «смуглый», рус. *смуглый*, польск. smagły то же, от этого же корня обозначение «дыма»: арм. tux, ср.-в.-нем. smouch, англ. smoke, ирл. tuch, кимр. twg. при греч. εἴρω «варю, жарю на медленном огне», др.-рус. *смага* «огонь, сухость, жар».

И.-е. *mer-/*mor- «становиться черным», арм. mraul «мрачный» < *mor-so-, тагахит тагахит «темнота, туман, мгла», ст.-сл. мръкнѹти «темнеть», *мракъ* «мрак, темнота», рус. диал. *морок* «темнота, облако», *мрачный* < ст.-сл. мракъ, серб. mŕknuti «становиться черным», польск. mrok, чеш. mrak, mraка «черная туча», лит. tap akys армарко «темнога перед глазами», при гот. maurguns «утро», совр. нем. Morgen, англ. morning.

И.-е. *smei- «мазать, намазать, грязнить», в др.-арм. и ст.-сл. аналогичные образования с детерминативом -d- из *smei-d- в обозначении красок: арм. mseal «грязный, темный», ст.-сл. смѣдъ «темный, смуглый», при гот. be-smeitan «намазывать», др.-англ. smitte «пятно», ср.-в.-нем. smitze «пятно».

И.-е. *tem(ə)- «темный», ст.-сл. *тьма*, тьмынь «тьма, темный», рус. *темный*, *темно*, чеш. temny, польск. śma, śiemny, śiemność, śiemnica «тьма, темный, темнота, темница», лит. tēmti «темнеть», tamsa «тьма», tamsus «темный», timsras «темно-красный», лтш. tumst

меры подобных противопоставлений в языках различных традиций: красный (особенно с глазами) и черный постоянно фигурируют в латышских представлениях о черте, латышский Перконс разъезжает на черных и белых конях, аналогично белые и черные кони славянского Перуна, белые и черные одежды литовского Перкунаса, ритуальная белая лошадь Капитолийского Юпитера.

⁷ По В. М. Иллич-Свитычу (см. его «Материалы к сравнительному словарю постратических языков», «Этимология. 1965», М., 1967, стр. 372), данный и.-е. корень носит постратический характер: и.-е. *kers- ~ алт. /k'/aga ~ драв. *kar-/kar- ~ сем.-хам */k'/r.

„темнеет“, др.-инд. *tamas-* „темнота“ = авест. *təmah* то же, н.-перс. *tam* „свет перед глазами“, др.-инд. *tamasa* „окрашенный в черное“, лат. *tenebrae* „тьма“, *temero* „пачкать, марать“, нем. *Dammerung* „сумерки“.

В связи с рассмотрением слов, обозначающих темные цвета, следует отметить развитие индоевропейской основы **teugʷ/*tousgʷ/*tusgʷ* «темнеть, становиться черным». В армянском языке первоначальное значение сохранилось в прилагательном *t'ix* «черный, коричневый». Ряд авторов, в частности Младенов⁸, сравнивают армянское слово со славянскими формами: ст.-сл. *по-тоухнѣти*, др.-рус. *по-туснети*, рус. *тускнуть* «терять блеск, яркость», *туск* «темнота, туман», а также *тухнуть*. Уленбек⁹ сопоставляет с вышеприведенными формами др.-сакс. *thiustri*, др.-фриз. *thūstere*, англс. *diestra*, др.-в.-нем. *thiustra*, н.-нем. *düster* „мрачный, черный“¹⁰.

В западнославянских языках исходная индоевропейская основа подверглась преобразованиям и приобрела новые, моральные значения: прасл. **tušiti/*tuchnŋti*¹¹ «тушить огонь» > «тушить» > «делать тихим, успокаивать» > «вселять надежду»: польск. *tuzyć* «вселять надежду», *otucha* «надежда, упование», чеш. *tušiti* «надеяться», которые обнаруживают существенное отличие от приведенных выше славянских форм. В западнославянских формах образно выступают особенности восприятия мира древними.

Приведенные выше данные полностью согласуются с исследованием В. Хаверса об эвфемистическом характере выражений, передающих идею тушения огня, что связано с народными представлениями об огне как о живом существе. «В ведийском ритуале жертвоприношения «жертву успокаивают» (*samayati*), «заставляют согласиться» (*samjapayati*), тогда как на самом деле ее «душат», точно так же успокаивают огонь, когда тушат его. Ср. с лат. *tutare*, которое следует понимать как «успокоить, усмирить (огонь)»¹².

Цвет, промежуточный между черным и белым, в индоевропейском языке-основе обозначается корнем **k'i-, *k'ei-*. Этот корень, заимствованный в армянском из иранского, имеет широкое распространение во всех славянских языках: ст.-сл. *сивъ*, рус. *сивый*, укр. *сивий* «седой, серый», чеш. *sívu*, польск. *siwu* в том же значении, *siwieć* «стано-

⁸ Ст. Младенов, «Русский филологический вестник», т. 68, стр. 287.

⁹ С. Uhlenbeck, „Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur“, 22, стр. 536; 26, стр. 239.

¹⁰ Ср. J. Pokorny, *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, I, Bern und München, 1959, стр. 1056–57.

¹¹ Этот корень получил аналогичное развитие и в других языках: др.-прусс. *tusnan* „спокойно“, *tussire* „он молчит“, лит. *tausytis* „утихать (о ветре)“, др.-ирл. *to* „тихий, молчаливый“, др.-инд. *tusyati* „успокаиваться“, *tusni* „тихо“, авест. *tušni* „молчаливый“, *Tušnamaitis* „название божества, удовлетворенный дух“.

¹² W. Havers, *Neuere Literatur zum Sprachtabu*, Wien, Akad. 223. 5, 1946, стр. 75 и сл.

виться седым», а также в балтийских: лит. *szūvas* «белый, белесый», прус. *suwan* «серый». Ср. др.-инд. *ṣyavas* «темно-коричневый», авест. *syava-* (личное имя *Syavaspi*), пехл. *siyav* > арм. *seaw* «черный», н.-перс. *siyah*, осет. *sai* «черный», англ. *haeven* «голубой». От этого же корня произошли слова, обозначающие масти лошадей: ст.-сл. *сивъ*, рус. *сивый*, лит. *šywas* «серо-белый (о сивой лошади)», др.-прус. *suwan* «серый», др.-инд. *syava* «черно-бурый», «гнедой, темный». В др.-инд. черный цвет в порядке смягчения заменяется серым: вороную лошадь, чтобы предохранить всадника от несчастья, называли серой, а не черной, ибо, по представлению древних, выражение, считающееся неблагоприятным, лишается роковой силы, если заменить его каким-либо далеким или смягчающим эквивалентом¹³.

В персидской мифологии предписывалось жертвовать Тиштрии «барана белого, или черного, или любого другого, только одноцветного», *rasūm auṛuṣēm va vohu gaonet vā*. В этом случае, поскольку жертва посвящается Тиштрии и ничто из того, что приносят ему в дар, не должно напоминать о мире демонов, о черном (во избежание слова *sāma-*) говорится *vohu-gaopa*, т. е. хорошего цвета»¹⁴.

Засвидетельствованы многочисленные производные образования от этого корня: 1) с суффиксом *-го-: ст.-сл. *сёръ*, рус. *серый*, польск. *szary*, *siary*, слов. *ser* «блондин», серб. *sierak* «сумерки», греч. *κίρρος* «оранжево-желтый», ирл. *siag* «темно-коричневый», исл. *harr* «серый, старый»; 2) с суффиксом *-до-: ст.-сл. *сёдъ*, рус. *седой*, чеш. *sedy* и т. д.; 3) с суффиксом *-м-: лит. *šėmas*, *žėmas* «серо-голубой, голубой», авест. *syama-* «черный».

Н.-е. **peI-* «в обозначении серых тонов»: арм. *alevog* «серый, седой», *ali-k* «белые волны, белая борода, седина» (метафорический переход), ст.-сл. *плавъ* «белый, серый», серб. *pluv* «белый, голубой», польск. *plowy* «бледно-желтый», «светло-серый», лит. *palvas* «светло-желтый», аналогично рус. *половый* (о лошади) в том же значении, лит. *plikas* «серый», с метафорическим переходом значения: ст.-сл. *плеснь* «плесень», а также ст.-сл. *пелесь*, рус. *пелесый* «пятнистый», слов. *peles* «белый», греч. *πέλιος* «темно-синий, свинцового цвета», *πέλιος* «черноватый, черный», греч. гом. *πυλιος* «серый», лат. *pullus* «черноватый», *pallor* «бледность», др.-англ. *fealo* — эпитет моря, увядших цветов, совр. *fallow* «желтоватый», др.-в.-нем. *falo* «бледный», др.-инд. *palitas* «седой», *palitam* «седые волосы», кимр. *llwyd* «серый», «коричневый», др.-ирл. *liath* «серый», алб. *plak* «трава».

В армянском языке, помимо вышеприведенных слов, имеется слово *gorš* «серый», которое Петерссон¹⁵ сопоставляет с др.-в.-нем. *gris*, голл. *grijs*, совр. нем. *grais* «седой, старый» < **ghre-so-*, между тем как для армянского слова праформой может быть только **ghor-so-*.

¹³ Ср. В. Порциг, Членение индоевропейской языковой области, М., 1964, стр. 247.

¹⁴ Цит. по статье Э. Бенвениста «Эвфемизмы древние и современные», в его кн. «Общая лингвистика», М., 1974, стр. 372.

¹⁵ H. Petersson, *Arische und armenische Studien*, Lund, 1920, стр. 81.

Обозначение белого цвета в индоевропейских языках восходит к различным основам. В юго-восточном ареале получили распространение формы, восходящие к и.-е. *ag(e)g' - «блестящий, белый»: ср. греч. *αργός*, др.-инд. *arjuna*, тох. А *arki*, хетт. *harkis* «белый», в армянском данный корень обозначает металл — *arcat'* «серебро». В славянских языках обозначения белого цвета восходят к и.-е. *bhēl-: ст.-сл. *бѣль* болг. *бел*, рус. *белый*, польск. *biały*, чеш. *bílý*; этот корень получил распространение в вавилонском — «белый налет на языке», алашкертском — «туман перед глазами».

В связи с приведенными словами интересно отметить арм. *bil* «синий», которое до настоящего времени не этимологизировалось¹⁶. Индоевропейская праформа, восстанавливаемая нами, — *bhēl-, откуда и ст.-сл. *бѣль*. Аналогичные семантические переходы от «белого» к «синему», «голубому» представлены в словен. *belasy* «голубой» < *bhēl-, наряду с *běl* «белый», в польских диалектах: *białawy*, *białasy* «голубой, синий» < *bhēl- «белый», ст.-прусс. *alwis* «голубизна» < *albho- «белый», в германских «голубой, синий» < *bhel- → *blawa-¹⁷ с детерминативом -u-: англ. *blue*, нем. *blau* «голубой, синий»¹⁸.

Следует отметить также интересный типологический переход и.-е. *albho- «белый» в название птицы, ср. арм. *aiauni* «голубь» ст.-сл. *лебедь*, рус. *лебедь*, польск. *łabędź*, болг. *лебед*, серб. *labud*, чеш. *labud'* и т. д., аналогично лит. *bal-andis* «голубь», др.-в.-нем. *elbiz* «лебедь» при лат. *albus* «белый».

И.-е. *leuk- «светить, свет, белый» дает арм. *loys* «свет», *Isnagoyn* «белый», *Isnapam* «становиться белым», *Iusn* «бельмо», ст.-сл. *лоучь* «свет». Следует отметить параллельное развитие значений в наименовании небесного светила: ст.-сл. *луна* = арм. *Iusin*, ср. лат. *luna*; данное слово относилось к религиозной сфере в качестве новообразования для месяца как единицы исчисления времени; лит. *laūkās* «с белым пятном на лбу», лтш. *lūkat* «видеть, наблюдать», др.-греч. *λευκός* «белый», др.-инд. *gōcas-*, *gōcus-*, авест. *gaōcāh-*, др.-перс. *gaōcāh* «свет», др.-в.-нем. *liocht* «свет», англ. *light*, кимр. *llŷg* «свет», исл. *Loki* «бог огня».

Красный цвет в природе редок и потому противостоит как белому, так и черному цветам. В индоевропейских языках красный цвет, так же как и черный и белый, называется отчетливо и определенно¹⁹. Ср. следующее развитие значений: и.-е. *geudh- «красный», ст.-сл. *ръдрь*; *ръдрь*

¹⁶ Зр. Ա ճ ա յ ա ն, Հ ա յ Ե ր Ե ն արժատիկան րաւարան, հատ. 1, Երևան, 1971, стр. 450.

¹⁷ J. Pokorny, Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, I, стр. 160.

¹⁸ Связано ли с германскими обозначениями «синего, голубого», арм. *bluz/pluz* в значении «голубой цвет глаз»?

¹⁹ По мнению Х. Магнуса, янее всего в языках выражается красный цвет, затем желтый, зеленый и, наконец, синий. См. H. Magnus, Untersuchungen über Farbsinn der Naturvölker, Leipzig, 1888, стр. 35.

«красный», руда «металл», др.-рус. рѣдѣти ся «краснеть, рыжеть», рус. *руда, рдеть, ржа*, рус. диал. *руда* «кровь», укр. *руда* то же, блр. *рудыи* «красный», словен. *rđeti se* «краснеть», гја, гјав «ржавый», гуд «красноватый», польск. *rdza, rza* «ржавчина», *guda* «болото красного цвета», лит. *gaudas* «красный», *gudas* «темно-красный», лтш. *guds* «красноватый», др.-инд. *gudhiras* «красный», авест. *gaoiditō* «красноватый», греч. *έρυθρός* «красный», лат. *ruber*, др.-в.-нем. *rōt*, др.-сев. *rodra* «кровь», гот. *gauþs*, ирл. *guad*, лат. *gobus, gūfus* «красный». В армянском языке и.-е. **reudh-* отражается лишь косвенно в качестве заимствования из иранского: ср. арм. *աղուղ* «латунь».

Чрезвычайно широкое распространение получил общендоевропейский метафорический переход «червь» > «красный». В периферийных областях индоевропейской языковой общности наличествует **kʷr̥tm-* «червь, красный»: ст.-сл. *чръмънь* «красный» и *чърмь* «червь», рус. *червь, червонный* и *чермный*, др.-прусс. *girmis*, лит. *kirnis*, лтш. *siŕmins* «червь», др.-греч. *κόχλιος* «червь» и *κόχυνος* «красный», др.-инд. *kṛti* «червь», пехлев. *karmig* > арм. *karmig* «красный», алб. *kgjth*, ирл. *sgim* «червь», тох. А *kgmug* «красный». В центральных областях — инновация **cegm-*²⁰ «червь», охватившая и балто-славянскую область: лат. *vermis* «червь» и *vermiculus* «красный», гот. *waigms*, укр. *вермянний* «красный», лит. *vaigmas* «насекомое», др.-прусс. *wormuap, warmit* «красный» (ср. по значению с венг. *wöges* «красный»). И.-е. **kʷr̥tm-* в качестве заимствования засвидетельствовано в языках, относящихся к неиндоевропейским культурно-историческим традициям: ср. тур. *gətməz* «червь» и *gətməze* «красный», араб. *kirniz* «червь» и *kirnizi* «красный», евр. *karmil* «красный червь» и т. д.

Оттенки красного цвета в армянском выражены следующими словами: 1) *bosog* «алый, красный, огненный», которое Петерссон²¹ возводит к и.-е. **bʰok'-* «пылать, гореть», откуда и арм. *բօժ* «пламя», ср. с лат. *focus* «очаг, жаровня, костер»²²; 2) *сіran* «пурпурный, багряный», а также «синий, голубой». В армянской мифологии сын неба и земли *Vahagn* является и сыном Пурпурового моря²³ (ср. текст древнего языческого стихотворения, посвященного рождению *Vahagn'a*: *erknēr erkip ew erkip, erknēr ew covn sirani* «В муках рождения находились Небо и Земля. В муках рождения лежало и Пурпуровое море»). Арм. *сіran* «пурпурный» < *сіran* «абрикос» близко груз.

²⁰ См. В. Порцинг, указ. работа, стр. 387.

²¹ H. Petersson, „Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen“, 47, стр. 285.

²² Ср. J. Pokorny, *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*, I, стр. 164. Г. Б. Джаукян, *Очерки по истории дописьменного периода армянского языка*, Ереван, 1967, стр. 181. Р. Ачарян (указ. работа, т. I, стр. 473) считает это слово заимствованным из греч. *βασσα* < др.-евр. *bašara*.

²³ *Մ. Արեղյան, Հայոց հին դրակահանութիւնն արտոմուծութիւնն, հատ. I, հրկան, 1948*, стр. 34.

čegamī, абх. ачарам „абрикос“. По гипотезе Бейли²⁴, на Кавказе этот гермин распространился из армянского, в котором он может быть иранским заимствованием (ср. памирские названия абрикоса или персика: čegī, čirē, čigai, sira, sirə, čigō, ser). Бейли считает более древним siranī, чем siran. Ачарян²⁵ сравнивает с перс. zar „золото“, zar-dam „абрикос“ и тюрк. sarə „желтый“, др.-инд. hiraṇja „желтый“, зенд. zaṅaṇua „золото“ и hiraṇa „золото, желтый“. 3) Кроме приведенных слов, в армянском для обозначения темно-красного цвета имеется šar, происхождение которого неизвестно²⁶.

В славянских языках оттенок красного цвета (исключая такие культурные заимствования, как рус. «шарлаховый», «пурпурный», «алый», «кумачовый», «розовый», «рубиновый») выражается словом «багровый»: ст.-сл. *багрѣ*, др.-рус. *багрѣ* «багровый», ст.-сл. *багѣрѣ* «пурпур», рус. *багрить* «красить красной краской», укр. *багря* «красная кровь». Младенов²⁷ из-за красной окраски болота связывает *багно* «болото» с *багровый*. В пользу подобного предположения говорит тот факт, что названия болот в славянских языках создаются по устойчивой семантической модели. Исходной лексической доминантой для этой модели является цвет (багровый, ржавый, серый). Ср. прасл. *belъ → *bolto → ст.-сл. *блато*, болг. *блато*, рус. *болото*, польск. *бiото*, чеш. *blato* и т. д.; *ruda «красный» > польск. *ruda* «болото», укр. *руда* «ржавое болото»; *kъs-по-: ст.-сл. *чрънь* «черный» > рус. диал. *черень*, *чернь* «торфяное болото»; польск. *siwica* «болотистый луг», *siwu* «серый» и т. д. В нижнелужицком *bagi* мн. ч. < *bagъ «болото» допускает сближение с др.-в.-нем. *bah*, нем. *Bach* «ручей»²⁸, прасл. *bagъно, польск. *bagno*, чеш. *bahnо*, рус. диал. *багно*, укр. *багно*. блр. *багно* «болото». От основы *bagъ с суффиксом -го-: ст.-сл. *багрѣ* «багровый». Таким образом, подвижность семантических границ дает основание для выявления возможных типов переходов.

Основные цвета ландшафта — синий и голубой — цвета атмосферы и воды. Следует отметить большое разнообразие в обозначении синего и голубого цвета в индоевропейских языках: ср. греч. *κυανεος*. лат. *caeruleus* < *caelum* «небо», ирл. *gorm*, *glass*, др.-норв. *brag*, др.-англ. *blāwen*, *hāwen*, н.-англ. *blue*, нем. *blau*, лит. *mėlynas* (ср. с лтш. *melns* и греч. *μελας* «черный»), лтш. *zils*, болг. *модру*, сербх. *modar*, польск. *nibleski*, диал. *biały*, *białawy*, *jasny*, рус. *синий*, *голубой*, арм. *bil* «синий», др.-инд. *pīla*.

Синий цвет имеет тенденцию смешиваться с черным и серым (синяя темнота, сумерки, сине-серое небо, сине-серое море и т. д., ср. с греч.

²⁴ H. B. Bailey, *Ambages Indoiranicae*, „Annali dell'istituto Universitario orientali di Milano“. Sezione linguistica, I, 2, 1959, стр. 124, 125, 140.

²⁵ Зр. *Цъшпъшъ*, указ. работа, т. I, стр. 459.

²⁶ Ср. Г. Б. Джаукян, *Очерки...*, стр. 253.

²⁷ Ст. Младенов, указ. работа, стр. 373; его же. *Этимологически и правописен речник на българския книжовен език*, София, 1941, стр. 39.

²⁸ О. Н. Трубачев, *О праславянских лексических диалектизмах серболужицких языков*. «Серболужицкий сборник». М., 1969, стр. 160.

μελανός «черно-синий»). Славянские обозначения синего и голубого возникли поздно и в них можно проследить другие цветовые обозначения (белый, черный, серый). Древнее значение слова «синий» было «блестящий, сияющий»: *k'i-, *k'eja- > ст.-сл. *синь*, др.-рус. *синь*, болг. *синь*, блр. *сіні*, чеш. *siní*, польск. *siní*, *sinieć*, *siniec*, с.-хорв. *sinji* «синий, сероватый», *sinjav* «серый». Первоначальное значение «сияющий, блестящий» сохранилось в рус. *сиять*, *сияющий*, серб. *sinuti*, *sinе* «блеснуть, сверкнуть». В «Слове о полку Игореве» слово *синий* употреблено в значении «блестящий»: «Чръныя тучя съ моря идутъ, хотять прикрыти солнце, а в них трепещут сини мльнии». Наряду с указанным значением, слово «синий» употребляется в значении «черный»: «синьць дьяволъ», «синя аки сажа», желёзо сине... въ огнё горёмо, светло будетъ» (Житие Андрея Юродивого, XL, 156—XV в.).

Оттенок синего—голубой в индоевропейском языке-основе образован от корня *(s)li-, *(s)liuo- «голубоватый», ст.-сл., рус., польск., чеш. *sliva* (метафорический переход)²⁹, словен. *sliv* «голубой» из наименования сливы (вторично), лат. *liveb* «голубеть», *livog* «голубая краска», *lividus* «голубоватый», др.-ирл. *lí* «краска, блеск», кимр. *lliw* «краска».

В армянском языке, наряду с *bil* < *bhēl- (если верно наше сближение), широко употребляется иранское заимствование *karoyt*, кроме вышеуказанных значений для обозначения цвета глаз употребляется такой сложный оттенок, как зелено-голубоватый: арм. *xarteaš* — неиндоевропейского происхождения³⁰.

Таким образом, вышеприведенные сопоставления показывают отсутствие ясных обозначений для синего и голубого цветов. По всей видимости, перед нами закономерность, свойственная не одному языку, а многим, во всяком случае на древних этапах их развития.

В жизни человека огромную роль играет зеленый цвет и его оттенки — цвет пробуждающейся природы, леса, травы. В индоевропейских языках отмечается смешение желтого и зеленого цвета³¹, ср. следующий ряд значений: и.-е. *ghel- > ст.-сл. *зеленъ*, *зелень* «зеленый, зелень», *зелье* «лекарство из травы», рус. *зеленый*, чеш. *zelený* и т. д.³², лит. *zalias*, лтш. *zale* „зеленый“, др.-прусс. *saligan* то же, лит. *zolė* „трава, зелень“, лтш. *zale* то же, греч. *χλωρός* „зеленый“, др.-инд. *haritas*, *haripās* „бледный, желтоватый, зеленоватый“, авест. *zairi* „желтый“,

²⁹ Кроме вышеприведенных слов, в отдельных славянских языках получило распространение «голубой», отсюда «голубь»: ст.-сл. *голубь* «голубь», др.-рус. *голубый*, рус. *голубой*, укр. *голубий*.

³⁰ Ср. Г. Б. Джаукян, Очерки..., стр. 180.

³¹ Ср. А. Мейе, Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков, М.—Л., 1938, стр. 408.

³² Славянские формы ряд авторов (А. Walde, J. Pokorny, Vergleichendes Wörterbuch der Indogermanischen Sprachen, I, Berlin, 1924, стр. 622, В. Порциг, указ. работа, стр. 306) возводят к и.-е. *ǵel- „блестеть“, „светить“, откуда лат. *galbus* и *galbinus* „светло-зеленый“, фр. *jaune* то же, возможно, арм. *caṭik* „цветок“ (H. Pettersson, KZ, 47, стр. 289).

лат. *holus, holeris* „зелень“, англс. *geolo*, англ. *yellow*. др.-в.-нем. *gelo* „желтый“, нем. *gelb*.

Армянский язык стоит совершенно обособленно в обозначении зеленого и связан только с греческим: арм. *dalag* «зеленый, свежий, зелень», греч. *θάλω* «расцветать, цвести, распускаться», оба из и.-е. **dhal-* «цвести, зеленеть». К этой группе, возможно, относится арм. *deł* «лекарство (из травы)» (переход, аналогичный славянскому «зеленый» > «зелье»). В литературном и разговорном языке специально для обозначения зеленого цвета широко употребляется *kapac'* «зеленый» (иранское заимствование).

Обозначение желтого цвета образовано от и.-е. **gheł-*: ст.-сл. *жльтъ*, *жльтъ*, рус. *желтый*, укр. *жовтий*, чеш. *žlutý*, польск. *zołty* и т. д., лит. *geltas* „бледно-желтый“, *gelta* „желтизна“, лтш. *dzeltas* „желтый“, лат. *flavus* „желтоватый, золотистый“, греч. *χόλις* „желчь“, др.-в.-нем. *galla* „желчь“, совр. нем. *Galle* „желчь“. В армянском обозначение желтого, так же как и зеленого, стоит совершенно обособленно: *dełin* „желтый“ < и.-е. **dhel-* „светлый, блестящий“, ср. ирл. *dellard* „блеск“, гот. *deall* „гордый“, норв. *Heim-dallr*, *Mar-døli* „богиня света Фрея“.

Совпадения в лексическом составе древних языков отражают сферы общей культуры, в особенности материальной. В связи с вышеизложенным значительный интерес представляют индоевропейские цветочные обозначения, явившиеся лексической доминантой для названия металлов. Ср. следующий ряд значений: и.-е. **ar(es)g'* «белый, блестящий» > арм. *arcat'* «серебро», др.-инд. *rajata* «серебро», авест. *эгэзата*, др.-перс. *ardata*, лат. *argentum*, ирл. *argat*, кимр. *agian*, греч. *ἀργυρος*. Это название утрачено славянскими, германскими и балтийскими языками, которые имеют ст.-сл. *срѣбро*, лит. *sidābras*, гот. *silubr*, др.-в.-нем. *silbar* — общее обозначение серебра, по-видимому, заимствованное в очень давнее время из какого-то неиндоевропейского источника. От и.-е. **geudh-* «красный» происходят ст.-сл. *руда* «металл», др.-инд. *lohāh* «медь, железо», н.-пер. *goi* «медь», др.-исл. *gaudi*, лат. *gaudus* «руда».

Название золота, употребление которого, как показала археология, столь же древне, как использование меди или еще древнее, образовано от и.-е. **ghel-tes* «желтое» в следующих языках: ст.-сл. *злато*, гот. *gulþ*, др.-англ. *gold*, др.-в.-нем. *gold*, лтш. *zēlts*, лит. *želtas*, др.-инд. *hiranyam*, *hātaka* «золото» (*hātaka* — название лучшей страны и ее обитателей < **žhaltaka*), авест. *zaganim*, *zaganya* „золото“, но греч. *χρυσός*, возможно, заимствовано из финикийского. Новое слово, обозначающее золото, восходит к первой половине II тысячелетия до н. э.³³ В балтийских, тохарском и латинском языках сохранилось древнее **auso-*: др.-лит. *ausas*, др.-прусс. *ausis*, тох. *A was*, *B yasa*, *usa*, лат. *aurum*, ср. с арм. *oski*³⁴, которое восходит к и.-е. **auso-* лишь косвенно, через какой-либо другой источник.

³³ См. В. Порцинг, указ. работа, стр. 27.

³⁴ Р. Ачарян считает совпадение арм. *oski* с литовскими, латинскими и тохарскими

Особо следует отметить балто-славяно-иранское совпадение в обозначении металлов: прасл. *svinьсь, *svinь, ст.-сл. *свиньць*, др.-рус. *свинець*, слов. *svines*, лит. *švinas* «свинец, цинк» < и.-е. *kueit- «светлый», которые О. Н. Трубачев³⁵ сопоставляет с вост.-ир. *srapa* «железо», осет. *æfsæp* «сошник, лемех» и «железо вообще», хорезм. *israpī*, согд. *srp* < **asrap* «железо», пам.-шуг. *serēī*, авест. *haosafnaena*. По-видимому, это совпадение относится ко времени тесных контактов балтов и славян с иранскими племенами. Учитывая приведенные данные, можно сделать выводы о временной обусловленности лексических подсистем, о способности их перераспределения из одной системы в другую.

Из вышензложенного вытекает несколько выводов, касающихся природы цветowych обозначений в древнеармянском и старославянском языках.

I. В древнеармянском языке цветовой континуум в целом представляет оригинальную систему, сложившуюся, по-видимому, в эпоху обособленного существования армянских племен, претерпевших сильное воздействие соседних народов, в первую очередь иранских. Результатом этого воздействия явилось сосуществование исконных цветowych обозначений с заимствованными. Ср. обозначения «желтого» и «зеленого» цветов с «белым», «черным», «красным». В ряде случаев цветowych обозначения индоевропейского происхождения можно проследить лишь в производных словах: и.-е. **albho-* «белый», арм. *агаипи* «голубь»; и.-е. **ag(e)g'-* «белый», арм. *argat'* «серебро» и т. д.

II. Из приведенной 21 индоевропейской основы и древнеармянском и старославянском являются общими 7, в число которых входят: 1) случаи полного совпадения значений: арм. *mgayl* «мрачный»—ст.-сл. *мракъ* «мрак», арм. *тсеал* «темный»—ст.-сл. *смѣдъ* то же, арм. *alevor* «серый, седой»—ст.-сл. *плавъ* «серый», арм. *loys* «свет»—ст.-сл. *лоучъ* «свет», арм. *mut'* «мутный»—ст.-сл. *мѣтенъ* «мутный», арм. *тоуг* «смуглый, темный»—ст.-сл. *смаглъ* то же; 2) случаи частичного совпадения значений: арм. *bal* «туман, мгла, тусклый, темный», диал. «бельмо, белый налет на языке»—ст.-сл. *бѣль* «белый»; 3) параллельные типологические переходы: арм. *агаипи* «голубь», ст.-сл. *лебѣдь* < и.-е. **albho-* «белый», арм. *bil* «синий», польск. диал. *białawy*, *białasy* «синий» < и.-е. **bhēl-* «белый», арм. *lusin*, ст.-сл. *луна* < и.-е. **leuk-* «светить, белый», арм. *lusn* «бельмо» < и.-е. **leuk-*, ст.-сл. *бельмо* < и.-е. **bhēl-* «белый», ст.-сл. *зеленъ* «зеленый», *зелье* «лекарство из травы», арм. *dalar* «зеленый», *deī* «лекарство из травы».

III. Наиболее многочисленны и определены основы, обозначающие темные тона. Здесь — наибольшее количество совпадений между армян-

ми формами случайным. Подробнее см. *Эр. И. Ш. П. Ш. Ш. Ш.*, указ. работа, т. V, стр. 523—528.

³⁵ О. Н. Трубачев, Из славяно-иранских лексических отношений, «Этимология. 1965», М., 1967, стр. 33—34.

ским и славянскими языками. Это свидетельствует о большой древности приведенных слов, восходящих к эпохе контактов протоармян и протославян.

IV. Следует отметить славяно-балто-индоиранские совпадения в обозначении черного и серого цветов, а также славяно-иранское совпадение в обозначении металлов: ср. ст.-сл. *чрънъ* «черный», лит. *keršas*, инд. *kṛṣṇas*, ст.-сл. сивъ „серый“, авест. *syava-* „черный“; ст.-сл. *свиньць*, вост.-ир. *срапа* „железо“.

V. Славянские языки в основном сохранили индоевропейские основы, обнаруживая значительную близость с языками восточного ареала индоевропейской общности — с балтийскими и индоиранскими, частично с армянским, что свидетельствует о тесных диалектных связях в пределах юго-восточного лингвистического ареала индоевропейской языковой общности.

VI. Лучшие всего во всех индоевропейских языках сохраняются названия черного, белого, красного цветов, затем зеленого, желтого, серого, хуже всего синего, которое смешивается с названием белого, серого, черного.

VII. На способность восприятия и различения цветowych тонов решающее влияние оказывает практическая потребность в таком различении: в языке находит свое выражение лишь то, что практически значимо. Сравнительно-типологический анализ системы цветowych континуума в различных языках дает еще одно доказательство в пользу того, что языковые системы обусловлены не только интерлингвистическими, но и экстралингвистическими факторами.

ԳՐԱԲԱՐԻ ԵՎ ՀԻՆ ՍԼԱՎՈՆԵՐԵՆԻ ԴՈՒՅՆԱՅԻՆ ՆՇԱՆԱԿՈՒՄՆԵՐԻ
ՀԱՄԵՄԱՏԱԿԱՆ-ՏԻՊՈՒԲԱՆԱԿԱՆ ՈՒՍՈՒՄՆԱՍԻՐՈՒԹՅՈՒՆ

Լ. Ա. ՍԱՐԱԶԵՎԱ

(Ա մ փ ո փ ո մ)

Հնդեվրոպական լեզուներում ամենից լավ արտացոլված են սև, սպիտակ, կարմիր, ապա կանաչ, դեղին, գորշ գույները, ամենից վատ՝ կապույտ գույնը, որ խառնվում է սպիտակի, գորշի, սևի հետ: Կարելի է հաստատված համարել, որ դույնային երանգների ընկալման և տարբերակման վրա վճռական ազդեցություն է ունեցել տարբերակման գործնական անհրաժեշտությունը:

Սլավոնական լեզուները հիմնականում լավ են պահպանել հնդեվրոպական դույնային հիմքերը՝ այդ տեսակետից ի հայտ բերելով նշանակալից մերձավորություն հարավարևելյան տարածքի լեզուների հետ (բալթիական, հնդիրանական և մասամբ հայերեն):

Թեև հայերենի դույնային նշանակումների համակարգի ձևավորման մեջ մեծ դեր են խաղացել հարևան (առաջին հերթին՝ իրանական) լեզուներից կատարված փոխառությունները, սակայն համեմատական վերլուծությունը հնարավորություն է տալիս բացահայտելու հնդեվրոպական գույնային նշա-

Նախնականների զգալի մասի պատմական ուղին ու իմաստային անցումները հիշյալ լեզուներում:

Մի շարք դեպքերում հայերենում և սլավոնական լեզուներում հանդես են գալիս տիպաբանական զուգահեռ անցումներ՝ 1) թռչնանվան կազմում գույնային հատկանիշի հիման վրա (հ.-ե. *albho- «սպիտակ»- հ. սլ. лебедь «կարապ», հայ. աղամի), 2) սպիտակ գույնից անցում կապույտի) հ.-ե. *bhel- «սպիտակ»- լեհ. białawy «կապույտ», հայ. բիլ), 3) լուսա-գույնային նշանակումից անցում տիեզերական լուսատուի անվանման (հ.-ե. *leuk- «լուսավոր սպիտակ»- հ. սլ. луна «լուսին», հայ. լուսին):

Առանձնապես շատ են մութ գույների հայկական և սլավոնական ընդհանուր նշանակումները՝ հայ. մոայլ- հ. սլ. мракъ «խավար», հայ. մծեալ («կեղտոտ»- հ. սլ. смѣдъ «մութ, մթին», հայ. մոյգ- ռուս. смуглый «թուխ» (հմմտ. հ. սլ. смагль «թուխ»), հայ. մուր- հ. սլ. маѣнъ «պղտոր», հայ. ալետո- հ. սլ. плавъ «գորշ» և այլն):

Սրանք վկայում են նախահայերի և նախասլավոնների հնագույն առնչությունների ու շփումների մասին: